

Гегель пишет: «Обыкновенно думают, что в различии между положительным и отрицательным мы имеем абсолютное различие. Они оба, однако, в себе одно и то же, и можно было бы поэтому назвать положительное также и отрицательным... Положительное и отрицательное, следовательно, существенно обуславливаются друг другом и существуют лишь в своем отношении друг с другом. Северный полюс магнита невозможен без южного и южный — без северного... То обстоятельство, что новейшее естествознание пришло к признанию, что противоположность воспринимается нами... в магнетизме как полярность, проходит красной нитью через всю природу, есть всеобщий закон природы, мы, без сомнения, должны признать существенным шагом вперед в науке»¹. Впервые в науке этот шаг был осуществлен И. Кантом.

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 278—279.

И. КАНТ

Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхарда)

Господин Эберхард сделал открытие, состоящее, как о том сообщает его философский журнал (выпуск первый, стр. 289), в следующем: «Философия Лейбница содержит точно такую же критику разума, как и новая, причем она тем не менее вводит догматизм, основанный на точном разделении способностей познания, следовательно, содержит всю истину последнего и, даже более того, расширяет область рассудка».

Как же случилось, что никто много ранее не смог усмотреть ее в философии этого великого человека и ее дочери — философии Вольфа, он, правда, не объясняет; между тем сколь много открытий, считающихся новыми, и с какой ясностью находят теперешние ловкие интерпретаторы у древних после того, как им укажут, где им следует искать.

Относительно неудачного притязания, однако, на открытие еще куда бы ни шло, если бы прежняя критика не была бы по своим результатам полной противоположностью новой. Ибо в этом случае аргумент от стыдливости (как его называет Локк), которым предусмотрительно пользуется Эберхард из боязни, что его собственные могут быть недостаточны (правда, иногда, как на стр. 298, с искажением смысла слов), был бы большим препятствием для усвоения последней. Однако

с опровержением положений чистого разума с помощью книг (которые не имеют своим источником других, кроме тех, которые известны нам как их авторам) дело обстоит плохо. Господин Эберхард, каким бы предусмотрительным он ни был, кажется, на этот раз был не очень внимателен. Иногда, кроме прочего (как на страницах 381 и 393 в примечании), он говорит так, как будто он не может поручиться за Лейбница. Лучшее всего будет, следовательно, следующее: мы оставим в покое этого знаменитого мужа и будем рассматривать положения, которые господин Эберхард приписывает ему (Лейбницу) и которые он использует в качестве оружия против «Критики» как его собственные, так как в противном случае мы попадаем в щекотливое положение: выпады, которые он производит от чужого имени, направлены против нас, а те, которыми мы на них ответим, затронут великого ученого, что может вызвать у его почитателей неприязнь по отношению к нам.

Первое, на что мы, по примеру юристов на процессе, должны обратить внимание, относится к формальной стороне. В этой связи господин Эберхард на с. 255 выражается следующим образом: «Согласно целям нашего журнала вполне допустимо то [обстоятельство], что мы по своему усмотрению можем прерывать наши дневные поездки, двигаться вперед и назад и можем выступать по всем направлениям». Конечно, вполне допустимо, чтобы журнал в своих разделах и рубриках содержал совершенно разные вещи (как в этом, где сразу за статьей о логической истине следует статья, посвященная истории [ношения] бород, а за ней идет стихотворение). Но то, что в одном и том же разделе смешиваются противоположные вещи, или последующее помещается вначале, а менее важное на место более важного, тем более, если, как в нашем случае, речь идет о сопоставлении двух систем, то господину Эберхарду будет трудно обосновать это своеобразием журнала (который в таком случае походил бы на лавку старьевщика). В действительности он, конечно, далек от такого мнения.

Упомянутая выше мнимая неуклюжесть в расстановке тезисов на самом деле весьма продумана с тем, чтобы, прежде чем будет найдена истина, которой, следовательно, еще нет, заручиться поддержкой читателя по отношению к тем положениям, которые нуждаются в тщательной проверке, и затем доказать истинность критерия, выбранного в последнюю очередь не из его собственной природы, как это должно быть, а с помощью положений, выдерживающих его проверку (а не, напротив, проверяемую ими). Это искусственное *ußerordentlich*¹, которое целенаправленно должно способствовать тому, чтобы с хорошей миной уклониться от исследования элементов нашего познания а priori и основания их истинности в отношении объектов до всякого опыта, уклониться, следовательно, от доказательства их объективной реальности (как от об-

ременительного и тяжелого дела) и, по возможности, одним росчерком пера уничтожить «Критику» и одновременно расчистить место для безграничного догматизма чистого разума. Ибо, как известно, критика чистого рассудка начинается с этого исследования, имеющего целью ответить на вопрос, как возможны синтетические суждения *a priori*. И только после трудоемкого выяснения всех необходимых для этого условий она может прийти к главному заключению: ни одному понятию не может быть обеспечена объективная реальность иначе, как с помощью демонстрации соответствующего ему созерцания (которое у нас всегда чувственное), следовательно, за пределами чувственного, а тем самым и вне возможного опыта не может быть просто никакого познания, т. е. никаких понятий, относительно которых можно быть уверенным, что они не пусты.

Журнал начинает с опровержения этого положения с помощью доказательства противоположного, а именно, что все же существует возможность расширения знания за пределами чувственных предметов, и заканчивается выяснением возможности этого с помощью синтетических суждений *a priori*.

Собственно, спектакль первого выпуска эберхардовского журнала состоит из двух актов. В первом должна быть показана объективная реальность наших понятий о сверхчувственном, во втором решается задача, как возможны синтетические суждения *a priori*. Ибо, что касается принципа достаточного основания, который излагается им уже на с. 163—166, то он призван доказать реальность понятия основания для этого синтетического основоположения; но он относится, по признанию самого автора (с. 316), также и к разделу о синтетических и аналитических суждениях, где уже предварительно должна быть выяснена сама возможность синтетических основоположений. Все остальное, сказанное предварительно или попутно, состоит из отсылок к последующему, ссылок на вышеприведенные доказательства, цитирование положений Лейбница и других, нападок на термины, но главным образом с искажением их смысла и т. п., прямо-таки по совету, который дает Квинтилиан оратору относительно его аргументов с целью перехитрить своих слушателей: *Si non possunt valere quia magna sunt, valebunt quia multa sunt — Singula levia sunt et communia, universa tamen nocent; etiamsi non ut tulmine, tamen ut grandine*²; которые заслуживают упоминания лишь в послесловии. Плохо иметь дело с автором, который не знает порядка. Но еще хуже иметь дело с таким автором, который намеренно создает беспорядок, чтобы незаметно проташить поверхностные или неправильные положения.

Раздел первый.

Об объективной реальности понятий, которым не может быть дано никакое соответствующее им созерцание, согласно господину Эберхарду

К этому предприятию господин Эберхард приступает (стр. 157—158) с торжественностью, которая соответствует важности его. Он говорит о своих долгих, свободных от всякой предвзятости усилиях ради науки (метафизики), которую он рассматривает как царство, значительную часть которого можно покинуть, и все же останется достаточно обширная территория; говорит о цветах и плодах, которые обещают неоспоримые плодоносные поля онтологии*, и призывает не опускать рук перед такими же, но оспоренными в космологии, ибо, как он говорит, «мы всегда можем проводить работу дальше по их расширению, можем постоянно обогащать их новыми истинами, не вдаваясь тотчас в трансцендентальную значимость этих истин (под которой следует, видимо, понимать объективную реальность понятий)», и затем он добавляет: «Подобным образом даже сами математики завершали очерки (Zeichnung) целых наук, не обмолвясь ни единым словом о реальности предметов последних». Он хочет привлечь внимание читателя к этому, говоря: «Это можно проиллюстрировать с помощью забавного примера, примера, который слишком показателен и поучителен, чтобы не привести его». Да, действительно, поучителен, ибо никогда не приводилось более яркого предостерегающего примера того, как нельзя ссылаться в качестве основания на доказательства, взятые из наук, которых не понимаешь, и даже на высказывания других знаменитых мужей, которые лишь сообщают об этом, так как вправе ожидать, что и они не будут поняты. В самом деле, более сильного опровержения господином Эберхардом самого себя и своего только что провозглашенного намерения нельзя привести, как с помощью повторяемого вслед за Борелли [Borelli] суждения о конических сечениях Аполлония.

Аполлоний конструирует сначала понятие конуса, т. е. он изображает его a priori в созерцании (это первое действие, с помощью которого геометр сначала показывает объективную реальность своего понятия). Затем он рассекает его по определенному правилу, например, параллельно плоскости треугольника, который делит основание конуса (conus rectus), будучи проведен через его вершину под прямым углом (recht-

* Ими являются как раз такие понятия и основоположения, притязания которых на познание вещей вообще оспариваются и суживаются до очень ограниченной сферы предметов возможного опыта. Нежелание сначала остановиться на вопросе относительно *titulum passionis*³ выдает тотчас прием, с помощью которого предмет спора прячется от внимания судьи.

winkling), и доказывает с помощью априорного созерцания свойства кривой линии, которая описывается посредством этого сечения на поверхности конуса, и, таким образом, получает понятие отношения, в котором находятся ординаты сечения к параметру, понятие, а именно (в данном случае это парабола), дается тем самым в созерцании а priori, показывается, следовательно, его объективная реальность, т. е. возможность того, что вещь с названными выше свойствами существует, и доказывается не иначе, как с помощью подведения под это понятие соответствующего ему созерцания.

Господин Эберхард хотел доказать, что можно вполне расширить свое знание и обогатить его новыми истинами, обходя предварительно выяснение того, не оперирует ли оно понятием, которое, быть может, пусто и не может иметь никакого предмета (утверждение, которое прямо-таки противоречит здравому рассудку), и обратился для подтверждения своего мнения к математику. Более неудачно он адресоваться и не мог.

Неудача произошла от того, что он не знал самого Аполлония и не понял Борелли, рефлектирующего о методе древних геометров. Последний говорит о механическом конструировании понятий конических сечений (кроме окружности) и говорит, что математики объясняют свойства последних, не упоминая о первом (верное, но не очень важное замечание), так как указание чертить параболу согласно предписанию теории предназначено для художника, но не для геометра*. Господин Эберхард сам мог бы извлечь для себя уроки из того места, которое он приводит из примечания Борелли и которое он даже подчеркивает. В нем говорится следующее: «Subjectum enim definitum assimi potest, ut affectiones variae de eo demostrentur, licet praemissa non sit ars, subjectum ipsum effor-

---

* Для предотвращения неправильного применения выражения «конструирование» понятий, которому столь много места уделено в «Критике чистого разума» и тем самым впервые указано различие между методами в математике и философии, может служить следующее. В самом общем значении всякая демонстрация понятия с помощью (самостоятельного) производства корреспондирующего ему созерцания может называться конструированием. Если это происходит с помощью простой силы воображения согласно понятию а priori, то оно называется чистым (которое математик должен класть в основу всех своих демонстраций, поэтому он и может на примере окружности, начерченной им на песке, какой бы несовершенной она ни была, столь совершенно доказать свойства окружности вообще, как будто она выгравирована самым лучшим художником). Если же оно будет выполнено на каком-либо материале, то оно будет называться эмпирическим конструированием. Первое может быть названо схематическим, а второе — техническим. Последнее, действительно, так называемое несобственное конструирование (потому что оно относится не к науке, а к искусству и производится с помощью инструментов), является либо *геометрическим* (с помощью циркуля и линейки), или механическим, для чего необходимы другие инструменты, например, для вычерчивания других конических сечений, отличных от окружности.

mandum delineandi»⁴. Было бы, однако, в высшей степени неверно полагать, что тем самым он хочет сказать следующее: геометр ожидает от этого механического конструирования доказательства возможности подобной линии, следовательно, объективную реальность своего понятия. Новаторам можно было бы, скорее, сделать следующий упрек: [ошибка] не в том, что они выводят свойства кривой линии из ее дефиниции, не будучи однако уверены в возможности существования своего объекта (так как они вместе с тем одновременно полностью осознают ее всего лишь схематизированную конструкцию и воспроизводят ее по мере надобности также и механически в соответствии с ней), а в том, что они подобную линию выдумывают произвольно (например, вычисляют параболу по формуле $ax=y^2$) и не конструируют ее первоначально как данную в сечении конуса, что отвечало бы более элегантно традиции геометрии, почему неоднократно и давался совет, за столь богатым своими открытиями аналитическим методом не упускать полностью из виду синтетический метод древних. Следовательно, не как математик, а как фокусник, который смог из песка свить петлю, господин Эберхард приступает к делу.

Уже в первой части своего журнала он отграничил принципы формы познания, которыми должны быть принципы непротиворечия и достаточного основания, от принципов материи его (по нему, представление и протяжение), принцип которых положен им в том простом, из чего они состоят, а теперь пытается, ибо никто не оспаривает у него трансцендентальную истинность закона непротиворечия, показать, во-первых, истинность закона *достаточного основания*, а тем самым и объективную реальность последнего, и, во-вторых, реальность простых сущностей без демонстрации, как того требует критика соответствующего им созерцания. Действительно, о том, что истинно, не должно прежде спрашивать, возможно ли оно, и постольку основоположение *ab esse ad posse valet consequentia*⁵ у логики одинаково с метафизикой, или, вернее, она снабжает им метафизику. Согласно этому подразделению мы построим и свое исследование (Prüfung).

А.

Доказательство объективной реальности понятия достаточного основания, согласно господину Эберхарду

Вначале, пожалуй, следует отметить, что господин Эберхард изволит причислять закон достаточного основания к формальным принципам познания, но затем, однако, на стр. 160 останавливается на вопросе, поставленном «Критикой»: Обладает ли этот закон также и трансцендентальной значимостью (Gültigkeit) (является ли он вообще трансцендентальным принципом)? Или господин Эберхард вообще не имеет никакого понятия о различии логическо-

го (формального) и трансцендентального (материального) принципа познания, или — что более вероятно — это один из его искусственных приемов подсовывать вместо того, что имеется в виду в вопросе, нечто другое, о чем никто не спрашивает.

Всякое положение должно иметь основание — это логический (формальный) принцип познания, который не просто присоединяется к закону непротиворечия, а подчинен ему*. Всякая вещь должна иметь основание — трансцендентальный (материальный) принцип, который еще никто не доказал, исходя из закона непротиворечия (и вообще из одних понятий без отношения к чувственному созерцанию), и никогда не докажет. Ведь достаточно очевидно и в «Критике...» бесчисленное множество раз говорилось о том, что трансцендентальный принцип должен сообщить нечто а priori относительно объектов и их возможности, следовательно, не так, как это делают логические принципы (совершенно абстрагируясь от всего, что относится к возможности объекта), имея дело лишь с формальными условиями суждений. Но господин Эберхард хочет провести на стр. 163 свое понимание формулы: все имеет свое основание, и, пытаясь протащить (как это следует из приведенного им самим примера) в действительности материальный принцип причинности с помощью закона непротиворечия, пользуется словом «все», боясь, вероятно, сказать «всякая вещь», потому что тогда сразу бросилось бы в глаза, что это не формальный и логический, а материальный и трансцендентальный принцип познания, который (как и всякое основоположение, покоящееся на принципе непротиворечивости) может занять свое место и в логике.

Но свое стремление доказать это трансцендентальное основоположение из принципа непротиворечия он осуществляет также достаточно продуманно и с намерением, которое он

---

* Критика наметила различие между проблематическими и ассерторическими суждениями. Ассерторическое суждение есть предложение. Логика совершенно не права в том, что они определяют предложение как суждение, выраженное словами; ведь мы, для того чтобы произвести суждения, которые не выдаем за предложения, вынуждены в мыслях пользоваться словами. В условном предложении: «Если тело простое, то оно неизменно», — имеет место отношение двух суждений, ни одно из которых не является предложением; только отношение следования последнего (консеквента) из первого (антецедента) делает суждение предложением. Суждение: некоторые тела просты — может быть сколь угодно противоречивым, тем не менее оно может быть высказано, чтобы посмотреть, что из него следует, если оно будет высказано как утверждение, т. е. как определенное положение (Satz). Ассерторическое суждение: всякое тело делимо — говорит больше, чем чисто проблематическое («следует полагать, что тело делимо» и т. д.), и подчиняется общему логическому принципу ассерторических суждений, а именно: «каждое предложение должно быть обосновано» (быть не просто одним из возможных суждений), что следует из основоположения о непротиворечии, потому что иначе оно не было бы основоположением.

охотно бы скрыл от читателя. Он хочет доказать значимость понятия основания (а с ним незаметно и понятие причинности) для всех вещей вообще, то есть показать его объективную реальность, не ограничивая ее лишь предметами чувств, и тем самым обойти условие, дополняемое «Критикой», а именно, что он для этого нуждается еще в созерцании, лишь посредством которого эта реальность может быть доказана. Таким образом, ясно, что закон непротиворечия есть принцип, имеющий силу для всего, что мы можем только мыслить, будь то и чувственный предмет, и может ли быть ему дано чувственное созерцание или нет, потому что он истинен для мышления вообще, без отношения к объекту. Следовательно, то, что не выдерживает этого принципа, является очевидным ничто (не может быть даже мыслью). Если бы он хотел, следовательно, придать объективную реальность понятию основания, не связывая себя ограничением предметами чувственного созерцания, то он должен был для этого использовать принцип основания, но так, чтобы он, будучи в действительности лишь логическим принципом, содержал в себе при этом как бы реальные основания (следовательно, и основание причинности). Однако он понадеялся на добродушную веру читателя больше, чем ее у него, даже при средних способностях суждения, следовало предполагать. Однако, как это водится, при хитросплетениях, господин Эберхард запутался в своих. Сначала он закрепил свою метафизику на двух дверных петлях: законе непротиворечия и законе достаточного основания; и этому своему утверждению он остается постоянно верен, заявляя, что вслед за Лейбницем (вернее, за тем, как он его понимает) он вынужден для пользы метафизики дополнить первый принцип вторым. Так, на стр. 163 он говорит: «*Всеобщая истинность принципа достаточного основания может быть показана только, исходя из него (принципа непротиворечия)*», за что он затем мужественно и принимается. Но ведь в таком случае метафизика повышается снова лишь на *одной* петле, хотя первоначально их должно было быть две, ведь простое следствие из принципа, без малейшей новизны условия его применения и во всей его всеобщности, не есть новый принцип, который восполнял бы недостатки предыдущего!

Но господин Эберхард, прежде чем дать доказательство принципа достаточного основания (и с ним, собственно, реальность понятия причины, не нуждаясь для этого более ни в чем другом, как в законе о непротиворечии), удерживает читателя в напряжении с помощью не без помпы проводимой на стр. 161—162 классификации, а именно путем опять-таки сравнения своего метода с методом математиков, которое, однако, ему постоянно не удается. У самого Эвклида «есть среди аксиом положения, которые нуждаются в доказательстве, но которые тем не менее излагаются без такого доказательства».

И здесь, говоря о математиках, он добавляет следующее: «Стоит только опспорить у него одну из *аксиом*, как тотчас падают и все аксиомы, вытекающие из нее. Но это настолько редкий случай, что он не думает, что следует принести ему в жертву ясную (*unverwickelte*) легкость его изложения и прекрасную гармоничность (*Verhältnisse*) всего его теоретического здания. Философия должна быть более любезной (*gefälliger*)». Следовательно, существует теперь все же *licentia geometrica*⁶, как уже давно существует *licentia poetica*⁷. Но если любезная философия (в деле доказательства, как сообщается сразу же после этого далее) была бы столь любезна и привела бы один пример из Эвклида, в котором бы выдвигалось в качестве аксиомы положение, доказываемое математически; ибо то, что может быть доказано лишь философски (из понятий), например, целое больше, чем его часть, то доказательство этого относится не к математике, при всей строгости ее рассуждения.

И вот, наконец, следует обещанная *демонстрация*. Хорошо, что она не столь пространна; ее логичность в этом случае тем более бросается в глаза. Мы приводим ее полностью. «Либо все имеет основание, либо не все имеет основание. В этом последнем случае, следовательно, может быть нечто возможно и мыслимо, основанием чего является ничто.— Если же из двух противоположных вещей одна не имела бы достаточного основания, то и вторая из обеих противоположных вещей может не иметь достаточного основания. Если бы, например, поток воздуха мог двигаться на восток, а ветер дул бы с востока, не согревая и не разжижая воздуха, то этот же поток мог бы *столь же успешно* двигаться на запад, как и на восток. Один и тот же поток воздуха мог бы *одновременно* двигаться и на восток, и на запад, следовательно, и на восток, и не на восток, то есть нечто может *одновременно* быть и не быть, что противоречиво и невозможно».

Это доказательство, посредством которого философ должен оказать основательности еще большую любезность, чем даже математик, имеет все свойства доказательства, которое может служить для логики примером того, как не следует доказывать.

В самом деле, во-вторых, доказываемое положение сформулировано двусмысленно, так что из него можно сделать как логическое, так и трансцендентальное основоположение, потому что слово «все» может означать «любое суждение», которое как утверждение мы производим о чем-либо, а также *любую вещь*. Если оно берется в первом значении (тогда оно должно звучать так: всякое утверждение (*Satz*) имеет свое основание), то оно не только истинно вообще, но и вытекает непосредственно из закона непротиворечия. Если же под «все» понимать любую вещь, то это потребовало бы доказательства совершенно другого вида.

Во-вторых, доказательству не хватает единства. Оно состоит из двух доказательств. Первое является известным баумгартеновским доказательством, на которое теперь, вероятно, вряд ли кто-либо будет ссылаться и которое полностью заканчивается там, где я поставил знак тире; отсутствует лишь вывод (противоречащий самому себе), который, однако, может быть выполнен каждым. Непосредственно за этим доказательством следует доказательство, которое подается с помощью слова «но» как простое продолжение цепи выводов, чтобы вернуться к выводному суждению первого [доказательства]; и все же, если опустить слово «но», составляет само по себе самостоятельное доказательство, которое нуждается в дополнении с тем, чтобы показать, что положение о том, что нечто не имеет основания, содержит противоречие, в отличие от первого, которое находит его [противоречие] непосредственно в самом утверждении, а именно, что в таком случае и противоположность вещи оказалась бы лишеной основания; следовательно, оно проводится совершенно иначе, чем это имеет место у Баумгартена, хотя оно и должно быть частью последнего.

В-третьих, новый поворот, который господин Эберхард придал своему доказательству, стр. 161, весьма неудачен, ибо силлогизм, с помощью которого произведен данный поворот, покинута на четырех столпах.— Если ему придать форму силлогизма, то он выглядит следующим образом:

Ветер, который без основания передвигается на восток, мог бы (вместо этого) с таким же успехом двигаться на запад.

Ветер движется без основания на восток (как утверждает противник закона достаточного основания).

Следовательно, он может *одновременно* двигаться на восток и на запад (что содержит противоречие). То, что я с полным правом вставил в большую посылку слова «вместо этого», очевидно, так как без этого ограничения никто не примет первой посылки. Если кто-либо делает ставку в игре и выигрывает, то тот, кто отговаривает его от этого, мог бы сказать, что он с таким же успехом мог бы ошибиться и столько же проиграть; но только вместо точного броска, а не проигрыш и выигрыш *одновременно* в одном и том же броске. Резчик по дереву, вырезавший из куска дерева Бога, мог бы с таким же успехом сделать из него скамейку, но из этого не следует, что он оба изделия мог бы сделать из него *одновременно*.

В-четвертых, само основоположение как таковое, в его неограниченной всеобщности, и если оно касается вещей, с очевидностью неправильно, ибо согласно ему не было бы вообще ничего безусловного. Избежать этого неудобства, однако, утверждая о прасущности (Urwesen), что хотя она и содержит основание своего существования, но оно находится в нем самом, есть противоречие, потому что основание бытия вещи как реальное основание (Realgrund) должно быть всегда от-

личным от самой вещи, и она должна тогда с необходимостью мыслиться как зависимая от чего-то другого. О некоем утверждении я могу вполне сказать, что оно имеет свое основание (логическое) в себе самом, так как понятие субъекта есть нечто другое, чем понятие предиката, и он может содержать в себе основание последнего. Если же я, напротив, не позволю себе мыслить в качестве основания существования вещи никакой другой причины, кроме самой этой вещи, то тем самым я хочу сказать, что она не имеет никакого другого реального основания.

Господин Эберхард, следовательно, ничего не достиг из того, что он хотел получить относительно понятия причинности, а именно показать значимость этой категории — и, вероятно, с ней также и других — для вещей вообще, не ограничивая ее действие и применение к познанию вещей предметами опыта, и напрасно пользовался для этого суверенным основоположением непротиворечия. Утверждение «Критики» остается в силе: ни одна категория не содержит ни малейшего познания, или не может его получить, если ей не будет дано соответствующее ей созерцание, которое у нас, людей, всегда чувственно, следовательно, в своем применении к теоретическому познанию вещей никогда не может выйти за пределы всего возможного опыта.

В.

Доказательство объективной реальности понятия простого в предметах опыта, согласно господину Эберхарду

Выше господин Эберхард говорил о понятии рассудка, которое может быть применено к предметам чувств (понятию причинности), но, однако, таком, которое, не будучи ограничено предметами чувств, может иметь силу для вещей вообще, и намеревался доказать таким образом, объективную реальность, по крайней мере, одной категории, а именно категории причинности, независимо от условий созерцания. Теперь он делает следующий шаг (стр. 169 по 173) и хочет обеспечить объективную реальность даже такому понятию, которое, как известно, не может быть предметом чувственности, а именно понятию простой сущности, и тем самым предоставить свободный доступ к восхваляемым им плодородным полям рациональной психологии и теологии, от которых ей предстоит отпугнуть Медузью⁸ голову «Критики». Его доказательство на стр. 169—170 сводится к следующему: «Конкретное* время,

---

* Выражение «абстрактное время» (стр. 170) в противоположность упоминаемому здесь конкретному времени совершенно неправильно и не может быть вообще никогда допущено, особенно там, где речь идет о высшей логической точности, хотя это злоупотребление одобрено современными логиками. Понятие как общий признак не абстрагируется, абстрагирование происходит в процессе применения понятия от тех различий, кото-

или время, которое мы ощущаем (что должно, видимо, означать: в котором мы нечто ощущаем) есть не что иное, как последовательное восприятие наших представлений; ибо даже последовательное восприятие движения может быть сведено к последовательности представлений. Конкретное время, следовательно, есть нечто составное, его простыми элементами являются представления. Так как все конечные вещи находятся в постоянном движении (откуда он может знать это *a priori* обо всех *конечных* вещах и только о явлениях?): так как эти элементы никогда не могут быть восприняты, внутреннее чувство не может ощутить их отдельно; они всегда воспринимаются как нечто, что предшествует и следует. И так как, далее, поток изменений всех конечных вещей есть *постоянный* (это слово выделено им самим) непрерывный процесс (Fluss), то ни одна осязаемая часть времени не является наименьшей или полностью простой. Простые элементы конкретного времени, следовательно, находятся целиком вне сферы чувственности.— Но над сферой чувственного поднимается теперь рассудок, открывая безобразное простое, без которого чувственный образ невозможен даже по отношению ко времени. Следовательно, он признает, что к образу времени принадлежит прежде всего нечто объективное, эти неделимые элементарные представления, которые вместе с субъективными основаниями, находящимися в рамках конечного духа, составляют чувственности образ конкретного времени. Действительно, в силу этих рамок дан-

рые содержатся в нем. Лишь одни только химики владеют абстрагированием, когда они отделяют жидкость от других материй с тем, чтобы получить ее отдельно. Философ же абстрагируется от того, на что он при определенном применении понятия не обращает внимания. Тот, кто хочет получить правила воспитания, может сделать это так, что он должен взять за основу либо простое понятие о ребенке (*in abstracto*), или понятие бюргерского ребенка (*in concreto*), не высказываясь о различии между абстрактным и конкретным ребенком. Различие абстрактного и конкретного касается только применения понятий, а не самих понятий как таковых. Пренебрежение этой схоластической точностью часто искажает суждение о предмете. Если я говорю: абстрактное время или пространство обладают теми или иными свойствами, то тем самым допускается, будто бы время и пространство первоначально даны в чувственных предметах, подобно красному цвету роз, киновари и т. д., и выводятся из них лишь логически. Но если я говорю: у времени и пространства, рассматриваемых абстрактно, т. е. до всяких эмпирических условий, наблюдаются те или иные свойства, то я оставляю, по крайней мере, открытым право рассматривать их как познаваемых независимо от опыта (*a priori*), что возбраняется мне, если я рассматриваю время как лишь понятие, абстрагированное от него. В первом случае я могу, по крайней мере, попытаться произвести, с помощью априорных основоположений, суждение о чистом времени или пространстве в отличие от эмпирических, абстрагируясь от всякого эмпирического, что мне противопоказано во втором случае, когда я (как говорят) абстрагировал эти понятия лишь из опыта (как в примере выше с красным цветом). Таким образом, те, кто хотел бы уйти от точной проверки своего мнимого знания, прячутся за выражение, позволяющее незаметно протаскивать его.

ные представления не могут существовать одновременно и в силу опять-таки этих рамок они не могут быть различимы в образе». На стр. 171 о пространстве говорится следующее: «Многостороннее совпадение других форм созерцания у пространства со временем избавляет нас от труда повторять при его анализе все то, что у них имеется общего со временем: первичные элементы многосложного, одновременно с которым возникает пространство, также просты, как и элементы времени, и находятся за пределами чувственности; они суть сущности рассудка, лишены образности, однако, несмотря на это, они суть истинные предметы: и все это у них одинаково с элементами времени».

Господин Эберхард отобрал свои доказательства, хотя и без какой-либо особо удачной логической связности, но все же, что касается своей цели, со зрелой обдуманностью и умением, и хотя он, по вполне понятным причинам, скрывает ее, однако же нетрудно и даже для ее оценки нелишне пролить свет относительно его намерения. Он хочет доказать объективную реальность понятия о простых сущностях, как чистых элементах, и ищет их среди *элементов* того, что является предметом чувств, сколь по своему престижу необдуманная, столь же по своему намерению противоречивая попытка. Если бы он вознамерился провести свое доказательство в общем из одних понятий, как обычно и доказывается подобное положение, что первоосновы сложного с необходимостью нужно искать в простом, то это было бы принято, но с одновременным добавлением, что это имеет силу только для наших идей, когда мы думаем о вещах в себе, о которых мы не можем иметь ни малейшего знания, но ни в коем случае для предметов чувств (явлений), которые суть единственные объекты нашего познания, следовательно, объективная реальность того самого понятия вовсе не доказана. Он вынужден был, следовательно, вопреки своей воле искать эти самые сущности рассудка среди чувственных предметов. Каков же выход из этого положения? Он придал понятию сверхчувственного с помощью поворота, которого не замечает читатель, другое значение, чем то, которое не только «Критика», но и любой человек привык с ним связывать. То говорится, что это то в чувственном представлении, что не может более ощущаться с помощью сознания, но о котором рассудок все же знает, что оно есть в наличии, подобно частицам тел или определений нашей способности представления, которые в отвлечении от нее осознаются лишь смутно, то (главным образом образом, когда необходимо мыслить эти малые части точно как простые), что это есть нечто лишнее образности, образ чего невозможен и что не может быть представлено ни в какой чувственной форме, стр. 171 (т. е. ни в каком образе).— И если какому-либо писателю когда-либо делался упрек в том, что он искажает понятие (не путает, по-

следнее может быть непреднамеренным), то это имеет место именно в данном случае. Ибо под сверхчувственным в «Критике» всегда понимается то, что не может даже в малейшей степени содержаться в чувственном созерцании, и лишь преднамеренным введением в заблуждение неопытного читателя является то, что под него (сверхчувственное) подсовывается нечто в чувственном объекте, так как ему не может быть дан никакой образ (под которым понимается созерцание, содержащее многообразное в определенных отношениях, следовательно то, что имеет в себе форму (Gestalt)). И если этот его (не очень тонкий) обман возымел действие, то он полагает, что и само собственно-простое, мыслимое рассудком в вещах и существующее лишь в идее, дано ему (не замечающему этого противоречия) в чувственных предметах, а тем самым и доказывает, с помощью созерцания, объективную реальность данного понятия. Теперь мы подвергнем это доказательство более тщательной проверке.

Доказательство основывается на двух свидетельствах: во-первых, что конкретное время и пространство состоят из простых элементов; во-вторых, что эти элементы, вместе с тем, не содержат ничего чувственного, а суть сущности рассудка. Эти свидетельства одновременно и столь же неправильны: первое потому, что противоречит математике, а второе потому, что противоречит самому себе.

Что касается первой ошибки, то мы будем кратки. Хотя господин Эберхард, кажется, не состоит в тесном знакомстве с математиками (несмотря на их частое цитирование), все же он, наверное, сочтет доказательство, которое приводит Кайль (Keil) в своем *introductio in veram physicam*⁹ с помощью простого пересечения прямой линии бесконечным числом других, верным и заключит из него, что не существует никаких простых элементов их согласно простому основоположению геометрии, а именно через две данные точки нельзя провести более одной прямой линии. Это доказательство может многообразно варьироваться и содержит одновременно доказательство невозможности признания [существования] простых частей во времени, если основываться на движении точки вдоль линии. Здесь не помогает оговорка, что конкретное время и конкретное пространство не подчиняются тому, что доказывает математика относительно абстрактного пространства (и времени) как воображаемых сущностей. В самом деле, не только потому, что в таком случае физика во многих случаях (например, в законах падения тел) должна поостеречься заблуждения, следуя в точности аподиктическим учениям геометров, но и потому, что столь же аподиктически можно доказать, что каждая вещь в пространстве, всякое изменение во времени, как только они займут определенную часть пространства или времени, подразделяются на такое же количество вещей и изме-

нений, что и пространство или время, которое они занимали. Чтобы избежать чувствуемого здесь парадокса (что разум вынужден класть в основание всего сложного, в конце концов, простое, а тем самым вступать в противоречие с тем, что доказывает математика по отношению к чувственным созерцаниям), нужно, и необходимо, принять, что пространство и время являются просто мысленными вещами и являются сущностями воображения, но не теми, которые порождаются последним, а таким же, которые она должна положить в основу всем своим комбинациям (*Zusammensetzungen*) и продуктам, так как они являются существенной формой нашей чувственности и восприимчивости к созерцаниям, благодаря чему нам могут быть вообще даны предметы, общие условия которых одновременно с необходимостью являются условиями а priori возможности всех объектов чувств как явлений и которые, следовательно, должны согласовываться с последними. Итак, простое как во времени, так и в пространстве невозможно; и если Лейбниц иногда выражался так, как будто материя состоит из них, то лучше бы, насколько это допускают его выражения, понимать его так, как будто бы он под простым понимал не часть материи, а совершенно находящееся за пределами всякого чувственного и совершенно непознаваемое основание явлений, называемых нами материей (которое может быть простым разве что в случае, если материя, составляющая явления, является чем-то сложным), или, если даже это противоречит ему, необходимо отойти от высказываний даже Лейбница, ибо не он первый и не он будет последним великим человеком, который вынужден считаться со свободой исследования других.

Вторая ошибка касается настолько явного противоречия, что господин Эберхард, должно быть, заметил его, но постарался, насколько было в его силах, заклеить и замазать его, чтобы оно осталось незамеченным, а именно: целое эмпирического созерцания находится [у него] в пределах сферы чувственного, а его простые элементы полностью вне ее. Дело в том, что он не хочет, чтобы простое как основание было бы примыслено к созерцаниям во времени и пространстве (что слишком сближало бы его с «Критикой»), а существовало бы в самих элементарных представлениях чувственного созерцания (хотя и без ясного их осознания), и требует, чтобы сложное из них целое было бы чувственной сущностью, а его части не были бы предметами чувств, но только мыслительными сущностями. «Элементы конкретного времени (а также соответственно пространства),— говорит он на стр. 170,— не лишены этой наглядности»; Вместе с тем (стр. 171) «они не могут быть созерцаемы ни в какой чувственной форме».

Во-первых, что побудило господина Эберхарда к подобной странной и бросающейся в глаза своей несуразностью путани-

це? Сам он понимал, что без соответствующего понятия созерцания объективная реальность последнего совершенно неопределенна. Так как он хотел обеспечить ее лишь определенным понятием разума и, в частности, в данном случае понятием простой сущности и к тому же так, чтобы она не была объектом, дальнейшее познание которого (как учит «Критика») просто невозможно, так как в этом случае то созерцание, возможность которого мыслится с помощью этого самого сверхчувственного объекта, имело бы силу всего лишь для явления, что он также оспаривает у «Критики», то он вынужден собирать чувственное созерцание из частей, лишенных чувственности, что является очевидным противоречием*.

Как же господин Эберхард выходит из этого затруднения? Средством для этого является простая игра словами, которые благодаря их двусмысленности какое-то время помогают. Невоспринимаемая часть находится полностью вне сферы чувственного; а неосязаемое есть то, что никогда не может быть воспринято *отдельно*, и это есть простое как в вещах, так и в представлениях. Вторым выражением, долженствующим сделать из частей чувственного представления или их предмета сущности рассудка, является *лишенное образности* простое (*das unbildliche Einfache*). Это выражение, кажется, особенно нравится ему, так как он употребляет его в последующем наиболее часто. Быть невоспринимаемым и составлять в то же самое время часть воспринимаемого казалось чересчур *очевидным противоречием*, чтобы с его помощью протащить понятие нечувственного в чувственное созерцание.

Невоспринимаемая часть означает здесь часть эмпирического созерцания, т. е. того, представление чего *не осознается*. Господин Эберхард никак не хочет выражаться ясно, ибо если бы он дал такое объяснение последнему, то он вынужден был бы признать, что у него чувственность есть не что иное, как состояние смутных представлений в многообразном созерцании, от осуждения чего в «Критике» он пытается, однако, уклониться. Если же употреблять слово «ощутимый» (*empfindbar*) в его собственном значении, то становится очевидным, что, если ни одна простая часть какого-либо предмета не доступна

---

* Здесь следует заметить, что теперь он хочет иметь положенной чувственность не в простой смутности (*Verwoggenheit*) представлений, а одновременно в том, что *объект* дан чувствам (стр. 299), как будто бы он тем самым что-либо выиграл для себя от этого. Так, на стр. 170 он причислил представление времени к чувственности, потому что его простые части, ввиду ограниченности конечного духа, не могут быть различены (следовательно, то самое представление является смутным). Затем (стр. 299) он хочет несколько сузить это понятие с тем, чтобы уйти от обоснованных возражений против этого, и добавляет к этому указанное выше условие, которое для него как раз и является самым неудачным, так как он пытается доказать, что простые сущности суть сущности рассудка, и тем самым вносит в свое собственное утверждение противоречие.

чувственности, то и он как целое также совершенно не может быть воспринят, и, наоборот, если нечто есть предмет чувств и ощущения, то и каждая простая часть последнего должна быть таковой, хотя им может не доставать ясности представления; но эта затемненность (*Dunkelheit*) частичных представлений целого в той мере, в какой только рассудок может усмотреть, что они в одинаковой мере должны содержаться в нем и в его созерцании, не может вывести их за пределы чувственности и сделать их сущностями рассудка. Ньютоновские малые корпускулы, из которых состоят цветочные частицы тел, до сих пор не мог обнаружить ни один микроскоп, но лишь рассудок познает (или предполагает) не только их существование, но и то, что они, действительно, могут быть предсказаны в нашем эмпирическом созерцании, хотя и без [их] осознания. И поэтому выдавать их за полностью неосязаемые и далее за сущности рассудка никому из его последователей не приходило в голову, ведь между такими малыми частями и совершенно простыми частями нет другого различия, кроме как в степени уменьшения. Все части с необходимостью должны быть предметом чувств, если целое должно быть таковым. Но то, что простой части не соответствует никакой образ, хотя сама она и является частью образа, т. е. чувственного созерцания, не может возвысить ее в сферу сверхчувственного. Простые сущности должны, конечно, (как показывает «Критика») мыслиться находящимися вне пределов чувственности, и их понятию не может быть дан какой-либо образ, т. е. какое-либо созерцание; но в таком случае их нельзя причислять в качестве частей к чувственности. Если все же они (вопреки всем доказательствам математики) причисляются к ней, то отсюда следует, что им не соответствует ни один образ, и совершенно неверно, что их представление является чем-то сверхчувственным; так как оно есть простое ощущение, следовательно, элемент чувственности, и рассудок тем самым не поднимается над чувственным иначе, как если бы он мыслил их сложными. Ведь последнее понятие, по отношению к которому первое является лишь отрицанием, есть также понятие рассудка. Лишь в том случае он поднялся бы над чувственным, если бы он полностью удалил простое из чувственного созерцания и его предметов и с помощью идущей в бесконечное делимости материи (как того требует математика) открыл бы себе перспективу (*Aussicht*) в микромир (*eine Welt im Kleinen*); но именно из-за недоступности подобного внутреннего основания для объяснения чувственного сложного (которому из-за полного отсутствия *простого* недостает полноты деления) сделал бы вывод о нем как находящемся вне всей сферы чувственного созерцания, которое, следовательно, мыслится не как часть его, а как его неизвестное нам основание, существующее лишь в идее; но при этом, правда, неизбежен вывод, который столь трудно да-

ется господину Эберхарду, о том, что об этом простом мы не можем иметь ни малейшего знания.

Действительно, чтобы уклониться от этого вывода, в предлагаемом доказательстве превалирует странный двойной язык. Место, где говорится: «Поток изменений *всех конечных вещей* есть *постоянный* непрерывающийся процесс — ни одна воспринимаемая часть не является наименьшей или полностью элементарной» — звучит так, как будто оно продиктовано математиком. Но тотчас ниже за этим [говорится] о простых частях тех же самых изменений, но которые мыслятся лишь рассудком, потому что не ощущаемы. Если же они находятся в нем, то тот самый *lex continui*¹⁰ потока изменений ложен, и они происходят прерывно, а то, что они, как неправильно выражается господин Эберхард, не ощутимы, то есть не *воспринимаются* сознанием, вовсе не снимает специфического их свойства быть частями простого эмпирического чувственного созерцания. Может быть, у господина Эберхарда понятие «постоянство» (*Stätigkeit*) имеет особый смысл?

Одним словом, «Критика» утверждала: без наличия у понятия соответствующего ему созерцания его объективная реальность не может быть никогда прояснена. Господин Эберхард хотел доказать обратное и ссылался при этом на нечто с очевидностью ложное, а именно, что рассудок познает в вещах как предметах созерцания в пространстве и времени простое, в чем мы хотели бы с ним согласиться. Но ведь далее он не опроверг требования «Критики», а выполнил его по своему. Ибо последняя ничего не требовала, кроме как того, чтобы объективная реальность была показана в созерцании, благодаря чему понятию дается соответствующее ему созерцание, что и есть именно то, что она требует и что он хотел опровергнуть. Я бы не стал так долго останавливаться на этом столь очевидном вопросе, если бы он не содержал неопровержимого доказательства того, что господин Эберхард совершенно не понял смысла различия в «Критике» между чувственным и нечувственным в предметах.

¹ Последующее предыдущее (*греч.*). Здесь и далее *прим. ред.*

² Если они не могут быть в силе, поскольку велики, они будут в силе, потому что они многочисленны — по отдельности они легковесны, однако в целом вредят не как молнии, а как град. (*лат.*)

³ Основания владения (*лат.*)

⁴ Ведь определенный субъект может так приниматься, что им могут объясняться различные воздействия, и пусть не было употреблено искусство, сам субъект определения должен был получить оформление (*лат.*)

⁵ Умозаклюают от действительного к возможному (*лат.*)

⁶ Геометрическая вольность (*лат.*)

⁷ Поэтическая вольность (*лат.*)

⁸ Кант имеет в виду греческий миф о Медузе Горгоне.

⁹ Введение в действительную физику (*лат.*)

¹⁰ Закон непрерывности.

Перевод с нем. И. Д. Концева.